

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСА ПРОСТРАНСТВА: ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К ЭПОХЕ ПОСТМОДЕРНА

В.А. Щипков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается проблема трансформации восприятия пространства в парадигмах нескольких культурных эпох. Дискурс пространства раскрывается через его восприятие обществом, отражение в мифологических системах и в философских концепциях. Автор рассматривает историю изменения пространственного дискурса через последовательную смену двух этапов – традиционного и посттрадиционного. К традиционному этапу автор относит архаическое общество, Античность и Средневековье, к посттрадиционному – Возрождение, Модерн и Постмодерн. В статье автор останавливается на каждом из этапов и описывает мифологическое, цельное восприятие пространства в архаическом мире, его дальнейшее развитие и иерархизирование в античном мире, а также перенос основных черт античной модели на Средневековье. Кроме того, анализируется процесс кардинального изменения восприятия пространства с началом Возрождения и под воздействием начавшегося длительного процесса секуляризации и общей демифологизации, который обозначен в целом как эпоха Модерна. Отмечается, что данный процесс продолжался на протяжении нескольких столетий, постепенно опустошая пространство мифа, и достиг наивысшей точки к концу XIX в. Автор предлагает особый взгляд на причины возросшей в то время потребности в мифе, приводя в качестве примера рождение новой дисциплины – геополитики. Кроме того, даётся характеристика основному вектору развития дискурса пространства в XX в. и до сегодняшнего дня, формирующее влияние на который оказал Постмодерн. В статье рассматриваются два частных пространственных концепта – «гетеротопия» и «ризом» – которые, по мнению автора, демонстрируют основные черты пространства современности: антииерархичность и открытость для новой мифологизации. Подчёркиваются основные различия между пространственным восприятием Постмодерна и традиционного общества. Делается предположение, что современный пространственный дискурс будет оказывать влияние в том числе на исследования проблем современной мировой политической и территориальной архитектуры.

Ключевые слова: дискурс пространства, философия, миф, традиция, посттрадиция, демифологизация, геополитика, Модерн, Постмодерн, гетеротопия, ризом, многополярность.

Интенсификация глобализации, невероятно быстрый рост количества акторов международной политики, как государственных, так и негосударственных, формирование устойчивых предпосылок для пересмотра в будущем системы международных отношений и существующего миропорядка – все эти факторы требуют ответа на ряд новых концептуальных философских вопросов. Как отметил ректор МГИМО, на фоне вызовов и неопределённости XXI в. именно «философские науки остаются важнейшим средством упорядочения знаний о действительности – российской и международной» [17].

Среди перспективных вопросов, которые будут влиять на векторы международных исследований, одно из центральных мест занимает проблема интерпретации дискурса пространства современности. Всё большую актуальность приобретают попытки описать, каким образом менялись представления о физическом (а также географическом) пространстве в истории, какую роль в этом процессе играли философские и мифологические категории, и какое значение в современной культуре и мировосприятии приобретает территория. Характер ответов на эти вопросы во многом будет оказывать влияние на научно-исследовательские направления в современных общественно-политических дисциплинах, в частности, на обсуждение перспективных моделей мироустройства.

В описании исторической трансформации дискурса пространства исследователи чаще всего опираются на два основных источника: исследования мифологических систем и философские концепции, присущие конкретной эпохе или обществу. Изучение свойств физического пространства (территории) происходит неразрывно с описанием его восприятия в той или иной культуре, определённом мифологическом или научном дискурсе. Изучение различных видов пространственного дискурса, как процесса культурного, мифологического и научного восприятия пространства, вынуждает исследователей использовать методологию и терминологию из различных областей гуманитарного знания. Этим объясняется значительный вклад в понимание различных видов пространственного восприятия в XX в. исследователей проблем философии, мифологии, антропологии, религиоведения и географических образов, в том числе М. Элиаде, Г. Башляр, Н.М. Теребихин, А.Я. Гуревич, В.Н. Топоров, Е.М. Мелетинский, Д.Н. Замятин и др. Кроме того, интерес к этой проблеме был вызван самой культурой XX в., в рамках которой под влиянием различных аспектов постмодернизма началось переосмысление функций и значения пространства, в том числе физического (территории).

Историю изменений пространственного дискурса можно разделить на различное количество последовательных этапов. Например, отечественный исследователь Д.Н. Замятин вы-

деляет пять эпох: архаическое общество, античная модель мира, Средневековье, Возрождение и Модерн [7]. Представляется целесообразным уточнить данный подход и разделить эти этапы на две принципиальные эпохи – традиционное общество (архаическое общество, Античность, Средневековье) и посттрадиционное общество (Возрождение, Модерн и Постмодерн). Рассмотрение и оценка каждого из этих периодов, их мировоззренческих особенностей позволит описать процесс трансформации пространственного дискурса и общих представлений о пространстве.

Пространственный дискурс в традиционную эпоху

В архаическом обществе «физический» мир рассматривается как неделимое целое с миром божественным, его естественное продолжение, как «слепок» или «осколок» небесного мира, как единый космос. При этом нет представлений о разных пространствах – физическом, географическом, мифологическом; миф и реальность живут в единой плоскости, профанное неотделимо от сакрального. Из этого иногда делают заключение, что мир в эту эпоху представляется бесформенным, размытым, неясным (об этом, среди прочих, пишет В.Н. Топоров [16]).

В античном мире представления о вселенной претерпевают некоторые изменения, сохраняя в целом архаичную парадигму. Главным механизмом освоения пространства становится миф, с помощью которого познаётся космос, на который накладывается географическое описание. Физическое пространство активно мифологизируется [7]. Основным методом пространственного восприятия становится религиозный миф, который унифицирует разные пространства – географическое, политическое и сакральное, стремясь к их полному объединению и тождеству. Античные мифы (а во многом и мифы архаичных обществ) «расщепляют» пространство территории и культуры на условные единицы. Из них постепенно складываются координаты, с помощью которых человек начинает ориентироваться во временном и географическом измерении, мифология создаёт внешний вид городов [22]. Каждая точка пространства становится уникальной и неповторимой, связанной с конкретной мифемой или мифом.

Средневековое представление о пространстве воспринимает основные черты античной модели, при этом языческую мифологию осознанно заменяет на христианскую. Новая черта этого периода – теоцентричный взгляд на мир. Средневековье одновременно сохраняло античную сакрально-пространственную картину мира и основывалось на библейских образах, которые выполняли, помимо прочего, географическую функцию, помогали ориентироваться в пространстве, получать представления о местах, расстояниях, землях и народах, их населявших. Об этом, например, пишет историк-медиевист

■ Международные отношения

А.Я. Гуревич, отмечая, что в топографии Средневековья времени нередко соединяются географические сведения и христианские сюжеты [3].

Архаичное, античное и средневековое восприятия можно описать как цельный тип сознания, заполняющий пространство мифа с помощью религиозного чувствования, а также систематизирующий физическое пространство с помощью мифологических систем. В представлении человека традиционного общества (или «человека религиозного», по выражению М. Элиаде) мир не делится на профанный и сакральный, физический и виртуальный, а представляет собой единое целое, ойкумену.

Изменение представлений о физическом пространстве в эпоху Модерна

Значительные перемены происходят с наступлением Возрождения. Начавшаяся секуляризация различных областей жизни общества привела и к кардинальному пересмотру пространственного дискурса. С постепенным укреплением в научной и общественной мысли примата рациональности в это время начали меняться представления о земле, географии, пространстве. Главное изменение коснулось мифа, который со временем перестал быть единственным способом структурирования пространства и ориентации в нём. Д.Н. Замятин назвал этот процесс освобождением от «тотальных» (религиозных и политических) взглядов на мир. Это сопровождалось постепенной виртуализацией географического пространства, появлялись разные карты, накладывавшие на одно и то же пространство различные географические образы [7].

Данную точку зрения разделял и французский теоретик культуры М. Фуко [18]. Он отмечал, что с научным переворотом Галилея в XVII в. пространство окончательно превращается в абстрактную научную категорию, оно отделяется от физической территории и от мифа. Процесс новой интерпретации пространства, начавшийся с эпохой Возрождения, продолжил своё развитие во время Просвещения, секулярных революций, философских и мировоззренческих парадигм XIX и XX вв., и продолжается сегодня. Этот период, сменивший традиционную досекулярную эпоху, в целом можно описать, используя термин Модерн, который в широком смысле означает время светскости, примата рациональности в науке. Иногда в качестве синонимов используют понятия «Современность», «Большой Модерн» и другие.

В Модерне актуализируются и развиваются идеи, заложенные Возрождением, вырабатывается особенный метод, особая мировоззренческая парадигма, которая заключается в идее прогресса, эволюции, постоянном стремлении к новому и «современному». Немецкий философ Ю. Хабермас в «Философском дискурсе о модерне» объясняет это движение таким образом: «В каждом моменте современности, порождающей

новое из себя самой, повторяется и приобретает характер непрерывности процесс зарождения новой эпохи заново; так происходит снова и снова» [19, с. 12]. Именно здесь наблюдается главное отличие традиционной эпохи, мировоззрение которой стремится к цельности, и Модерна, в рамках которого разрыв с традицией становится новой традицией. В эпоху Модерна одной из важнейших проблем становится рационализация мифологического сознания науки и общества, которое включало, как было показано выше, и религиозные, и иные виды мифов.

Одной из своих главных задач Модерн видит вытеснение мифа сначала из научного, а затем из культурного дискурса. Эта длительная «борьба» принимала различные формы, сам Модерн в противостоянии религиозному мифу нередко создавал свой собственный сциентистский миф. На фоне попыток рационализации мира зарождались новые мировоззренческие системы, секулярные, но обладающие своей иерархической системой ценностей (например, прогрессизм, позитивизм, марксизм). Тем не менее, мифологическое пространство сильно деформировалось, сжалось и заново систематизировалось под влиянием Модерна.

Давление на мифологическое пространство привело к возникновению своего рода мифологического «голода», вакуума, который распространялся на культуру в целом и, соответственно, влиял на восприятие физического и географического пространства. Это постепенно возникавшее давление достигло пика к концу XIX – началу XX вв., когда общество стало либо возвращаться к старым мифам, либо искать новые, которые позволяли бы ориентироваться во времени, истории и окружающей действительности. Такой взгляд частично подтверждается и позицией известного российского исследователя проблем мифа Е.М. Мелетинского, по словам которого история культуры прошла два этапа «демифологизации», в эпоху Просвещения и с развитием позитивизма. Он отмечает, что в XX в. происходит кардинальный поворот в сторону новой мифологизации («ремифологизации»), которая пытается остановить «демифологизирующий процесс» в западной культуре [11]. Используя выражение профессора А.В. Шестопала, можно утверждать, что с этого времени начинается и продолжается вплоть до сегодняшнего дня «острый кризис философской и общекультурной традиции Просвещения, упадок утопического сознания и быстрый рост сознания религиозного» [20, с. 16].

Демифологизацию возможно рассматривать как один из центральных механизмов Модерна, который приводит к постоянной нехватке мифа в культуре. Этот процесс вызывает закономерную реакцию общества и самой культуры. Однако парадоксальным образом Модерн, который на глубоком идейном уровне противостоит мифу, сам даёт толчок к появлению различных новых мифов, в том числе пространственных.

Ярким примером, демонстрирующим такую реакцию, является зарождение геополитики, предложившей обсуждать и создавать новые пространственные модели. На рубеже XIX–XX вв. геополитические школы появляются в странах Запада, в Японии и России. Британский геополитик Х. Маккиндер предложил заново мифологизировать и по-новому представить мир. Для этого он изобрёл новые термины, например, «ось истории», «хартленд», «срединная земля», «внешний полумесяц», которые позволяли интерпретировать различные пространственные, географические и политические явления в мифологической логике.

Например, территория «хартленда» описывалась как ключ к обладанию остальным миром. Аналогичным значением, но только в границах европейского пространства, обладала концепция «Срединной Европы» («Mittleuropa»), предложенная немецким философом К. Францем ещё в середине XIX в. и описанная позже многими политическими мыслителями, среди которых – Ф. Лист, Г. фон Гагерн, канцлер Бетман-Гольверг, Ф. Науман, В. Ратенау. В целом немецкая геополитическая школа двигалась в схожем русле с британской. Её представители К. Хаусхофер и Ф. Ратцель трактовали государства не только как территории с проживающими на них народами, но и как некие живые и самостоятельные организмы, вступающие в борьбу друг с другом за богатства и ареал обитания («Lebensraum»). Важно отметить, что геополитические школы появлялись в это время и в России. Широко известна типология мирового пространства Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, выделявших места проживания особых культурно-исторических типов, имеющих судьбу и историческое предназначение.

Однако этими примерами разнообразие направлений и школ в геополитике не ограничивается. Так, широко известной является концепция Н. Спайкмена «римленд» (от англ. «rimland» — «дуговая земля»), которая оппонирует идее «хартленда». Вклад в развитие теории многополярного мира во второй половине XX в. внёс С. Коэн. Значимыми для развития геополитики являются также структурные теории современных авторов – И.В. Аллерстайна (мирсистемный анализ) и А. Батлера.

Важно отметить, что после Первой и Второй мировых войн, которые явились трагическим предостережением от попыток прямого воплощения в жизнь геополитических мифов и иных искусственных социальных моделей, отдельные подходы и термины были пересмотрены. Постепенно доминирующим стал цивилизационный подход, предложенный в работах А. Тойнби и С. Хантингтона. Однако общая стилистика геополитических концепций осталась прежней вплоть до настоящего времени. Она заключается в использовании зооморфных или антропоморфных образов, аллегорическом изложении, характерном для мифологических и сакральных

текстов, подчёркнуто внимательном отношении к религиозным и мировоззренческим факторам, примате судьбы территории над судьбой человека. Даная стилистика преследует цель заново мифологизировать, «оживить» географическую территорию, описать её как субъект исторического либо политического развития.

Важно подчеркнуть, что геополитика – лишь частное проявление новой и вынужденной мифологизации, которая началась на пике развития Модерна. К явлениям этого же порядка следует отнести всевозможные новые виртуальные пространства, создаваемые в кино, компьютерной и Интернет-индустрии, которые прочно входят в современный пространственный дискурс. Все эти случаи демонстрируют, что пространство, испытывающее потребность в мифе, начинает заново мифологизироваться, переходить от парадигмы Модерна к Постмодерну. Развитие в XX в. новых постмодернистских подходов представляет собой закономерный этап, во время которого возникли условия, продлевающие жизнь Модерна. Модерн как «современность» не заканчивается, а только воплощается в иной форме.

В этом контексте можно сказать, что Возрождение, Модерн и Постмодерн находятся в единой мировоззренческой парадигме. Несмотря на то, что традиционным является подход, который рассматривает эти концепции как элементы последовательного, исторического развития, не будет ошибкой сказать, что они имеют в своей основе некие общие идеи (рациональность, прогресс, секулярность и др.). Поэтому Постмодерн можно трактовать не только как очередную фазу, сменившую Модерн, но и как одно из возможных состояний этого «посттрадиционного» периода – с конца Средневековья до настоящего времени. Такой подход, фактически объединяющий Модерн и Постмодерн в один общий концепт, не является новым или уникальным. Например, известный российский политолог и философ А.И. Неклесса даже ввёл в научный оборот понятие «Большой Модерн» чтобы концептуально объединить ряд культурных эпох, предшествовавших XXI в. [13].

Несамостоятельность и вторичность Постмодерна косвенно признавали и сами родоначальники этой теории. Такие классики-постмодернисты в философии, как Ж.-Ф. Лиотар и Ж. Бодрийяр, отмечали, что Постмодерн не способен существовать полностью самостоятельно, так как построен на отрицании и релятивизме [10; 5]. Известный американский философ Ф. Джеймсон очень точно описал основные свойства Постмодерна: мир постмодерна – это мир «эмитации», испытывающий «недостаток в эмоциях», в котором «потеряно чувство своего места в истории» и невозможно провести чёткую грань между прошлым, настоящим и будущим [14]. Кризис Модерна, вызванный кризисом мифа и выразившийся в двух мировых войнах, а также ряд культурных и политических факторов, глобализация и развитие информационных

■ Международные отношения

технологий предопределили быстрое развитие в XX в. постмодернистских идей.

Постмодерн под воздействием описанных факторов предоставил Модерну новый способ существования, в том числе новый метод восприятия пространства. Место вытесненного Модерном религиозного мифа занимает «неомиф» (термин, в частности, используют Е.В. Галанина [2] и Н.А. Шипков [21]), а физическое и возникшее виртуальное пространство открываются любым формам мифологизации и интерпретации. Фактически, речь идёт о возвращении в общественный и научный дискурс – мифа, заполняющего собой многие сферы жизни – культурной (например, кинематограф), политической (становление геополитических теорий), религиозной (возникновение движения «new age») и другие.

Постмодерн наследует и актуализирует глубокое различия между Модерном и традиционной эпохой, существовавшей до Возрождения, главное из которых – различное отношение к иерархии культуры и пространства. Формируемая и поддерживаемая иерархия в традиционном обществе является ценностью. Постмодерн прямо направлен на борьбу с этим мировосприятием, иерархия становится одним из центральных объектов его критики, принцип вертикали объявляется неполноценным. Важно отметить, что слом вертикалей в политике и культуре чаще всего следовал после социальных катаклизмов (революционных переворотов, войн). В таком отрицании иерархии видится стремление Постмодерна найти способ противостоять социальным катастрофам и кризисам, которые всё чаще возникают в современном мире.

В истории XX в. можно обнаружить неоднократные попытки преодолеть различные иерархии. В качестве примеров «ухода от иерархии» можно привести социалистический проект (борьба с иерархией капитала), глобализацию (борьба с иерархиями национальных государств), появление постструктуралистской философии (попытка преодолеть научные стереотипы и авторитеты, разрушить сложившуюся в науке систему ценностей и понятий), распространение новых религиозных движений (противостояние сильным иерархиям традиционных конфессий). Весьма показательно и закономерно, что именно в эпоху Постмодерна формируются принципы информационного общества. Две эти категории становятся во многом синонимами, им с одинаковой степенью присущи принципы антииерархичности, нелинейности, семантического и ценностного плюрализма [8].

Под воздействием Постмодерна пространство встало в один ряд с другими дискурсивными элементами. В результате трехвекового развития идей Просвещения пространство получило свойства относительности, бесконечной протяжённости, внеценности. В XX в. эта ситуация поставила перед исследователями ряд новых проблем и подтолкнула их к переосмысле-

нию множества явлений, связанных с вопросами пространства. По замечанию М.В. Силантьевой, сегодня это требует выработки новых комплексных моделей и подходов, расширяющих современные социологические и политологические исследования данными из философии культуры, антропологии и этнопсихологии [15].

Концепты «гетеротопия» и «ризом» в пространственном дискурсе постмодернистской философии XX–XXI вв.

С постепенным распространением идей Постмодерна в первой половине XX в. начинается процесс переосмысления пространства. Влияние на него оказали философские школы феноменологии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Мерло-Понти), структурализма (К. Леви-Стросс) и постструктурализма (Ф. Гваттари, Ж. Делёз, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Деррида). Постмодерн, оказывая влияние на культурный дискурс в целом, обуславливает новый метод восприятия и структурирования пространства – как физического, так и виртуального. Постмодернистское пространство обладает чертами горизонтальности, плоскости, антииерархичности. Эти свойства способствуют новой мифологизации и неограниченному заполнению пространства новым содержанием. Рассмотрим некоторые новые свойства пространства, которые были привнесены дискурсом Постмодерна и отражены в категориях «гетеротопия» и «ризом».

Значительный вклад в разработку новых трактовок пространства внёс Мишель Фуко, предложивший рассматривать пространство как «следствие целенаправленных мысленных усилий» [7]. Такой взгляд, вероятно, был воодушевлён идеями конструктивизма, которые развивались в это время, и согласно которым познание происходит исключительно как акт творения, конструирования объекта познания. С этого времени наибольший интерес у исследователей вызывает проблема восприятия и интерпретации пространства, а не познание его объективной сущности (которая ставится под сомнение). С того времени пространством считается уже само представление о нём.

Расщепление некогда целостного (в традиционном обществе) пространства на множество пространств, систем координат и дискурсов можно продемонстрировать с помощью концепции «гетеротопии», которую ввёл в научный оборот Фуко [18; 1]. Несмотря на то, что данное понятие не обладает выверенным определением, оно во многом помогает описать и объяснить постмодернистское восприятие пространства. Слово «гетеротопия» Фуко предложил, взяв за основу известный в философии термин «утопия». Если утопия означает воображаемое место, «место, которого нет», то гетеротопия используется для обозначения «иного места», «места иного» (от греч. «heteros» – «другой»), «контрместоположения». Под «иным» следует понимать то, что скрыто от глаз, но существует

в реальности, а точнее, оказывает влияние на восприятие реальности. Гетеротопия отражает скрытые свойства места, которые не лежат на поверхности, но являются не менее реальными, чем номинальное предназначение места. С определёнными оговорками можно сказать, что гетеротопия – это «миф места», который возникает как выражение архетипов, социальных и индивидуальных реакций, связанных с определённым местом.

Фуко придерживается точки зрения, что гетеротопии являются продуктом культуры и повсеместным явлением. Важнейшее свойство гетеротопии – способность сопоставлять множество пространств в одном месте, его многослойность. В качестве гетеротопий Фуко описывает различные места социального значения (больницы, школы и т.д.), а также места символического значения (создание садов и парков как воспроизводство архетипа рая). Фуко предлагает использовать данный концепт для того, чтобы научиться «прочитывать» современное физическое пространство (территорию, топосы) и пространство социальных отношений.

Необходимо подчеркнуть, что механизм гетеротопий, безусловно, не является уникальным явлением современности и распространяется на любые другие исторические эпохи. Однако важен сам факт того, что с развитием идей Постмодерна стали предприниматься попытки усложнить и заново описать пространство, привнести в него свойства, характерные для мифологии. Единственным и главным ограничением в процессе мифологизации пространства в Постмодерне является запрет на любое проявление монополии, навязывание единственной картины мира.

Идеи пространства как многомерной реальности, в том числе в интерпретации Фуко, находили отражение у многих исследователей XX в. Созвучную с «гетеротопией» Фуко идею развивал профессор Калифорнийского университета Э. Соья, предложивший концепцию «третьего пространства» [1]. А. Лефевр рассматривал пространство не как эмпирическую данность, а как «производство пространственности», набор социальных практик. Он предложил собственную классификацию социального пространства как «диалектически связанную триаду», состоящую из физического (природы, космоса), ментального (например, логических абстракций, существующих в сознании художников и архитекторов) и социального (близко по значению к гетеротопиям) [9].

Таким образом, труды Фуко и его последователей являются примером возникновения нового направления в философии, в рамках которого пространство начинает восприниматься как «мысленные и философские усилия», теряет эмпирическое выражение и становится «метафорой пространства», метафорой самого себя. Пространство, территория перестают быть местом, становясь процессом живого дискурса.

Не менее весомый вклад в развитие идеи пространства в XX в. внесла философия постструктурализма введением в научный оборот Ж. Делёзом и Ф. Гваттари понятия «ризомы». Термин «ризома» взят ими из ботаники, где он означает корневую систему, у которой отсутствует центр. Ж. Делёз и Ф. Гваттари выделяют несколько принципов ризомы, главные из которых «связь» (представляет собой единую систему), «гетерогенность» (не имеет центра) и «множественность» (отсутствие «единого кода», иерархии, какого бы то ни было глубинного смысла) [4].

Ризома – это горизонтальная структура, построенная на сетевых связях. Иногда в качестве примера подобной структуры приводят глобальную информационную сеть Интернет, которая не имеет центра, соединена горизонтальными связями и самовоспроизводится. Ризома – это система без памяти [4]. Пространство, построенное по принципу ризомы, соответствует постмодернистской парадигме, является ацентричным и неиерархизированным. Ризоморфное пространство не имеет целеполагания, чётких определений, качеств и, по выражению Замятина, позволяет философу «безнаказанно играть географическими образами реальности» [7].

Данные положения приобретают особое значение в свете активизировавшейся в последнее время дискуссии о неизбежности движения современного глобального мира в сторону многополярности и разновекторности. Динамизм и сложность этих процессов, неизбежное «формирование новой геополитической реальности» отмечают ведущие отечественные эксперты-международники [6]. С одной стороны, глобализация уже не воспринимается как унификация, а «подразумевает развитие вариативности современного мира», как отмечает профессор М.А. Мунтян [12, с. 248]. С другой стороны, появляются всё новые концепции, с помощью которых исследователи пытаются объяснить эту «вариативность» и разнородность (например, «глокализация», «регионализм», «полицентричность», «информационное общество» и др.). Философское осмысление актуального дискурса пространства будет во многом способствовать исследованиям в этих направлениях.

Таким образом, историческое и сравнительное рассмотрение дискурса пространства позволяет прийти к выводу, что в настоящее время продолжается трансформация пространства из категории абсолютной в относительную, при этом пространство становится всё более многомерным и, несмотря на произошедшую в эпоху Модерна «демифологизацию» (или благодаря ей), является открытым для новых интерпретаций. Пространство в Постмодерне становится легальным носителем мифологии, как и в традиционную эпоху, однако противостоит мифологической монополизации, выстраиванию вертикалей и иерархий. Все указанные факторы приобретают особо важную роль при изучении совре-

■ Международные отношения

менных международно-политических кризисов, родных отношений, а также при исследовании недостатков актуальной архитектуры междуна- перспективных моделей многополярного мира.

Список литературы

1. Беззубова О.В. «Другие пространства» Мишеля Фуко: современные стратегии интерпретации // Вестник гражданских инженеров. 2011. № 2 (27). С. 199–204.
2. Галанина Е.В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры / монография. М.: «Академия естествознания», 2013. 129 с.
3. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. М.: Астрель, 2010. 895 с.
5. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
6. Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналитич. доклад / А.И. Подберёзкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. 159 с.
7. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
8. Костин А.В. Противоречия развития культуры информационного общества: социальный и ценностный аспект [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 4. Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2009/4/Kostin/35_2009_4.pdf (дата обращения 16.03.2015).
9. Лефевр А. Социальное пространство / пер. с франц. А. Лазарева // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 2. С. 3–14.
10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Алетейя, 2013. 160 с.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 407 с.
12. Мунтян М.А. Потенциал политической культуры в объяснении культурного полилога Запада, Востока и России // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 245–249.
13. Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна [Электронный ресурс] // Знамя. 2000. № 1. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/1/nekles.html> (дата обращения 28.05.2015).
14. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
15. Силантьева М.В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десоверенизация или «постсуверенизация» // Полис (Политические исследования). 2014. № 3. С. 8–26.
16. Топоров В.Н. Первобытные представления о мире // Очерки истории естественно-научных знаний в древности: научный сборник. М.: Наука, 1982. С. 8–40.
17. Торкунов А.В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. 476 с.
18. Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью М. Фуко: в 3 ч. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 193–207.
19. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
20. Шестопал А.В. Русская философия: современность и классика (размышления над трудами Н.В. Мотрошиловой) // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 14–29.
21. Щипков Н.А. Пространство мифа в постсекулярную эпоху [Электронный ресурс] // Историческое образование. 2015. № 1 (5). Режим доступа: <http://thezis.ru/zhurnal-istoricheskoe-obrazovanie-5.html> (дата обращения 16.05.15).
22. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.

Об авторе

Щипков Василий Александрович – соискатель кафедры философии МГИМО (У) МИД России, член Российского философского общества. E-mail: vas.ship@mail.ru

TRANSFORMATION OF SPACE DISCOURSE: FROM TRADITIONAL SOCIETY TO POSTMODERN ERA

V.A. Shchipkov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The paper examines the problem of transforming the perception of space in the paradigms of several cultural epochs. Space discourse is defined via its societal perception, reflection in mythological systems and some philosophical concepts. The author reviews the history of changes of space discourse through continued development of two stages – traditional and post-traditional. The author refers the archaic society, the Antiquity and the Middle Ages to the traditional stage, the Renaissance, the Modernity and the Postmodernity to the post-traditional. The author examines each of these stages and describes mythological and holistic perception of space in archaic society, its further development and hierarchizing in the Antiquity, as well as transfer of the main features of the Classic model into the Medieval period. In addition, the paper examines the process of radical changes in the perception of space beginning in the Renaissance and under the impact of the long process of secularization and general demythologization referred to by the author as the Modernity era. The paper states that this process continued for some centuries emptying the space of myth and reached its highest peak by the end of the 19th century. The author provides a special insight on the reasons of the increased need for myth and cites as an example the emergence of geopolitics as a new discipline. Further, the author describes the main vector of space discourse development from the 20th century until now shaped by the Postmodernity. The article focuses on two particular spatial concepts such as “heterotopia” and “rhizome”. According to the author they illustrate the main features of modern space - anti-hierarchy and openness to a new mythologization. The emphasis is put on the main differences of space perception between the postmodern and traditional society. The author makes an assumption that the space discourse of today will also influence the researches of actual global political and territorial architecture.*

Key words: space discourse, philosophy, myth, tradition, post-tradition, demythologization, geopolitics, Modernity, Postmodernity, heterotopia, rhizome, multipolarity.

References

1. Bezzubova O.V. «Drugie prostranstva» Mishelia Fuko: sovremennye strategii interpretatsii [Michel Foucault's "Other spaces": Modern Strategies of Interpretation]. Vestnik grazhdanskikh inzhenerov – Bulletin of civil engineers, 2011, no. 2 (27), pp. 199–204. (In Russian).
2. Galanina E.V. Mif kak real'nost' i real'nost' kak mif: mifologicheskie osnovaniia sovremennoi kul'tury [Myth as reality and reality as myth: mythological basis of modern culture]. Moscow, Akademiia estestvoznaniia Publ., 2013. 129 p. (In Russian).
3. Gurevich A.Ia. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of modern culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (In Russian).
4. Deleuze G., Guattari F. Kapitalisme et schizofrenie 2 : Mille plateau. Paris, Les Éditions de Minuit, 1980. 652 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. Tysiachaplato. Kapitalizm i shizofreniia. Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 s.)
5. Derrida J., Psyché. Invention de l'autre, Paris, Editions Galilée, 1987. 417 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. Pis'mo iaponskomu drugu. Voprosy filosofii, 1992, no 4, pp. 53–57).
6. Podberezkin A.I., Muntyan M.A., Kharkevich M.V. etc. Dolgosrochnoe prognozirovaniie stsensariiev razvitiia voenno-politicheskoi obstanovki [Long-term forecasting of scenarios of the development of the military-political situation]: Analytical Report, Moscow, MGIMO-University Publ., 2014. 159 p. (In Russian).
7. Zamiatn D.N. Kul'tura i prostranstvo. Modelirovaniie geograficheskikh obrazov. [Culture and space. Modeling geographic images]. Moscow, Znak Publ., 2006. 488 p. (In Russian).
8. Kostin A.B. Protivorechiia razvitiia kul'tury informatsionnogo obshchestva: sotsial'nyi i tsennostnyi aspekt [Contradictions of cultural development of the information society: social and value aspect]. Elektronnyi zhurnal «Znanie. Ponimanie. Umenie.» – «Knowledge. Understanding. Skills.» (online magazine), 2009, no. 4. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2009/4/Kostin/35_2009_4.pdf (accessed 16.03.2015).
9. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris, Anthropos, 1974. Ch. II. P. 83–96. (Russ. ed.: Lefevr A. Sotsial'noe prostranstvo / A. Lazareva // Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture. 2010. No 2. Pp. 3–14)
10. Lyotard J.-F. La Condition postmoderne: rapport sur le savoir. Paris, Minuit. 1979. 109 p. (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. Sostoianie postmoderna. Moscow, Aleteiia Publ., 2013. 160 p.)
11. Meletinskii E.M. Poetika mifa [Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 407 p. (In Russian).
12. Muntian M.A. Potentsial politicheskoi kul'tury v ob'iasnenii kul'turnogo poliloga Zapada, Vostoka i Rossii [Potential of political culture in explaining cultural polylogue of West, East and Russia]. Vestnik MGIMO-Universiteta – The Journal of MGIMO-University, 2014, no. 2. Pp. 245–249. (In Russian).
13. Neklessa A.I. Konets epokhi Bol'shogo Moderna [The End of the Epoch of Big Modernity]. Znamia – The Banner, 2000, no 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/1/nekles.html> (Accessed 28.05.2015). (In Russian).

■ Международные отношения

14. Ritzer G. *Modern Sociological Theory*. New York, McGraw-Hill, 2003. 640 p. (Russ. ed.: Rittser Dzh. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 688 p.)
15. Silant'eva M.V. *Novye printsipy «filosofii granitsy» v global'nom mire – desuverenizatsiia ili «postsuverenizatsiia»* [New principles of the «Philosophy of frontier» in the global world – de-sovereignization or «post-sovereignization?»]. *Polis. Political Studies*, 2014, no 3. Pp. 8–26. (In Russian).
16. Toporov V.N. *Pervobytnye predstavleniia o mire* [Worldview of primitive society]. *Ocherki istorii estestvenno-nauchnykh znaniy v drevnosti* [Essays on history of scientific knowledge: collection of scientific papers]. Moscow, Nauka Publ., 1982. Pp. 8–40. (In Russian).
17. Torkunov A.V. *Po doroge v budushchee* [On the Way to Future]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 476 p. (In Russian).
18. Michel F. *Des espaces autres* (1967), *Hétérotopies*. Available at : <http://desteceres.com/heterotopias.pdf> (Accessed 16.03.2015). (Russ. ed.: Fuko M. *Drugie prostranstva. Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'iu* M. Fuko. Moscow, Praxis Publ., 2006. Part 3. Pp. 193–207.)
19. Habermas J. *Der philosophische Diskurs der Moderne. Zwölf Vorlesungen*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1985. 450 p. (Russ. ed.: KHabermas Iu. *Filosofskii diskurs o moderne*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003. 416 p.)
20. Shestopal A.V. *Russkaia filosofia: sovremennost' i klassika (razmyshleniia nad trudami N.V. Motroshilovoi)* [Russian philosophy: modernity and classics. Reflection on studies by N.V. Motroshilova]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 2014, no. 3, pp. 14–29. (In Russian).
21. Shchipkov N.A. *Prostranstvo mifa v postsekuliarnuiu epokhu* [Space of myth in postsecular era]. *Istoricheskoe obrazovanie – History Education*, 2015. No.1(5). Available at: thesis.ru/zhurnal-istoricheskoe-obrazovanie-5.html (accessed 14.06.2015). (In Russian).
22. Eliade M. *Le Sacré et le profane*. Paris, Gallimard, 1965. 186 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe*. Moscow, MGU Publ., 1994. 144 p.)

About the author

Vasilii A. Shchipkov – Applicant for a Degree, the Chair of Philosophy (MGIMO), member of the Russian Philosophical Society. Email: vas.ship@mail.ru.